

*ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ
КУБАНСКОГО ДИАЛЕКТА «БАЛАЧКА»*

И.Ю. ВАСИЛЬЕВ

*Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор»*

*353240, Российская Федерация, Краснодарский край, ст. Северская, ул. Запорожская, 37;
электронная почта: ivasee@mail.ru*

В статье показано становление и развитие кубанского диалекта русского языка - балачки. Объяснены этнические, исторические и социальные причины формирования диалекта на основании украинских и русских говоров, русского литературного языка. А так же причины, повлиявшие на развитие и трансформацию диалекта, его лексический запас и специфику произношения. Воздействие на кубанский диалект экономических и социально-политических факторов.

Ключевые слова: диалект, балачки, говор, исторические условия формирования.

Формирование кубанского диалекта русского языка – балачки, который в своё время считался и самостоятельным языком, весьма любопытно. Лингвистические процессы в данном случае были наглядно обусловлены историко-этнографическими процессами.

Прибывшие в конце XVIII столетия на Кубань первые черноморские казаки были носителями ранних восточных украинских говоров. С начала до 40-х годов XIX века к ним присоединялись украинские переселенцы из Полтавской, Черниговской, Харьковской губерний, носители соответствующих местных диалектов украинского языка. В тот период в Черномории складывался черноморский диалект украинского языка, близкий к харьковскому и другим восточнукраинским диалектам [20]. «Черноморцы говорят малороссийским языком, хорошо сохранившимся», – писал И.Д. Попка о языковой ситуации в Черномории середины XIX века [21].

Но с середины XIX столетия украинская культура и язык в кубанских станицах постепенно консервировались и переставали развиваться. Большая часть потомков украинцев уже более ста лет была оторвана от основного языкового массива и жила по соседству или вперемежку с русским населением – линейными казаками, государственными крестьянами, начиная с 1860 – х гг. –

большим массивом иногородних. В тот же период местные южнорусские говоры постоянно соприкасались с русским литературным языком, подпитывались им [20].

Свою роль в русификации черноморцев сыграли ряд событий 1860 – 70 гг. Это и создание единого Кубанского войска, превращение Екатеринодара из войскового города в гражданский, разрешение свободно поселяться иногородним на Кубани, в соответствии с Эмским указом императора Александра II, направленного против использования украинского языка [7, 13, 26]. Сопротивления они не встречали, в отличие от покушений на казачьи права и привилегии, такие, как попытка массового выселения казаков за Кубань, которая была сорвана казачьим протестом [7].

На языковую ситуацию влияли и такие факторы, как военная служба казаков. Уже в конце XIX столетия один из корреспондентов «Кубанских областных ведомостей» сетовал, что в бывшей Черномории уже почти не слышно старинных песен о Морозенко и Сагайдачном. Молодые казаки в полковом строю пели разухабистые песни про какую-то «молодку» [3].

Значительную роль сыграл приток иногородних. Уже в 1881 году пришлые крестьяне составляли 30% населения области. В 1890 году иногородних было уже 456,3 тыс. человек (34,2%). Для сравнения, казаки составляли 48,3% населения. В 1900 году иногородних было уже 800,9 тыс. человек [20]. Значительное число переселенцев составляли великорусы южных центрально – чернозёмных губерний. Хотя среди иногородних было и немало украинцев. Но и они на Кубани «русифицировались».

Также, влияла длительная традиция официального делопроизводства на русском языке, русскоязычная школа. Огромное значение для национальной самоидентификации человека, является то, на каком языке он научился читать и писать [12]. Очевидцы постоянно отмечали относительно высокий уровень кубанских станичных школ. Система образования в Кубанской области быстро развивалась. В 1896 году появилось 14 училищ, подотчётных директору народных училищ. В 1905 – 25. К числу школ, подведомственных управлению

епархиальных училищ, в 1896 году прибавилось ещё 27. Всего в этом году появилось 96 новых школ. В 1903 году четверть кубанских казаков была грамотной. В 1909 – около трети [14-19].

Исследователю А.Н. Забазнову удалось обнаружить интересный документ – записку инспектора народных училищ второго района Кубанской области Е. Григорьева, в которой он характеризует школьное образование на Кубани. «Кубанская дирекция народных училищ по размаху организации всего школьного дела и должной постановке учебно-воспитательной части занимает одно из первых почётных мест в Российской империи», – писал инспектор [6]. Конечно же, практически во всех училищах преподавание велось на русском языке.

Многие населенные пункты, основанные украинцами, такие например, как станица Суздальская (Горячеключевской район), Северская, Азовская, село Львовское (Северский район), становясь полиэтничными, быстро теряли украинскую культурную специфику [8; 10]. Подобная ситуация была особенно характерна для Закубанья. Также быстро подвергались естественной ассимиляции украинские кварталы русскоязычных населённых пунктов Кубани, так называемые «хохловки». Как это, например, произошло в станице Темиргоевской [2, 9].

В целом до начала 1920-х гг. этнонимы «русский» и «украинец» на Кубани сравнительно мало употреблялись. «Как называть себя, не знаю. Раньше иногородними мы были. А русский или украинец – этого не знали», – сообщил в 1958 году житель станицы Кирпильской (Усть-Лабинский район) Л.П. Сухоруков, 1866 года рождения.

«Малорусское наречие подверглось значительному изменению, и нельзя почти определить, малоросс говорит или великоросс. Получается какое-то особое наречие, которое можно назвать «кубанским»», – писал очевидец [6, л. 2]. По наблюдению украинофила В. Барки, в начале XX века в станицах разговаривали на балачке – диалекте русского языка, включающем в себя множество украинизмов. Особенно это касалось мужчин, прошедших военную

службу [1]. Зачастую население не видело разницы между украинским и русским языками [22]. Многие украинцы считали своим родным языком русский. При этом по переписи населения 1897 году значительная часть жителей черноморских станиц значилась как говорящая преимущественно по-малороссийски. Прежде всего, это территория Екатеринодарского, Ейского и Темрюкского отделов Кубанской области [22]. Однако необходимо иметь в виду, что в конце XIX – начале XX вв. «малороссийским просторечием» могли именоваться любые говоры с украинской основой. В сознании современников они весьма резко отделялись от украинского литературного языка [7, 24]. И подобные представления не были далеки от реальности. Недаром известный деятель кубанской культуры Ф.А. Щербина, уже находясь в эмиграции, должен был специально учить украинский язык, хотя «балачка» была знакома ему с детства [5].

Выдающимся деятелем и «Просвиты» и РУП был С.И. Эрастов. Именно он написал в своих мемуарах, что «полковник Чугун стал каким-то Чауном» [25]. Известный филолог – украинист, профессор В.К. Чумаченко считает, что полковник действительно украинизировал свою фамилию. (По-украинский чугун – чавун). Но почему об этом не знал С.И. Эрастов? По мнению В.К. Чумаченко, дело тут в недостаточном знании украинского. Так же, как и у Ф.А. Щербины.

Вызывает определённые сомнения «украинскость» некоторых художественных произведений кубанских писателей первой половины XX века. Которые сами авторы нередко позиционировали как украинские. Вот что писал о поэзии кубанского литератора и маститого украинского филолога И.Г. Чередниченко известный украинский литературовед Г. Донец, готовя к изданию сборник поэта: «... необходимо освободить отдельные строки и строфы от русизмов. Но это необходимо делать бережно, чтобы в сё ж таки сберечь колорит «кубанской» украинской народной мовы полувековой давности» [23]. Можно с большой степенью достоверности предположить, что стихи написаны на «балачке».

Вообще свою диалектную речь кубанец мог позиционировать тройко, в зависимости от ситуации. Как местное наречие, как русский или украинский язык.

Реконструировать речь кубанцев начала XX столетия частично возможно, основываясь на отдельных документах, написанных малограмотным письмом, предающим специфику местного говора.

Таких документов, к сожалению, сохранилось немного. Один из них – приговор станичного сбора станицы Старонижестеблиевской. Данный документ составлен 10 августа 1918 года, в период, когда после наступления добровольческой армии советская власть на Кубани до весны 1920 года была ликвидирована.

Борисова О.Г., крупнейший кубанский филолог-диалектолог, знаток кубанской балачки, проанализировала этот документ. По её мнению, налицо очевидное смешение украинских и русских языковых черт, что собственно характерно для кубанского диалекта. Смешанные украинско-русские черты выявленные в документе, составленном в начале XX века, фиксируются и в наши дни в живой речи современных носителей кубанских говоров [4].

По нашему мнению, кубанская балачка – детище преимущественно военно-служилого статуса казачества и быстрого экономического роста региона, вызвавшего бурный приток мигрантов. Она сложилась в последней четверти XIX – первой четверти XX вв. На основе русификации украинского черноморского говора. Большую роль в становлении кубанского диалекта сыграл казачий статус большинства кубанских украинцев; официальной политики, направленной на интеграцию русских и украинцев; быстрым экономическим развитием Кубани, притоком большого числа иногородних; относительной изоляцией от украинских метропольных территорий. Все эти факторы способствовали ассимиляции кубанских украинцев, которая проявилась на рубеже XIX – XX веков в появлении кубанских казаков – субэтноса русского народа. Следующим этапом ассимиляции стало

свёртывание украинизации в 1932 году и миграционные процессы, связанные с раскулачиванием и коллективизацией.

В результате возникла полурусская – полуукраинская балачка, которую даже называли «кубанским языком». После «деукраинизации» 1933 года процесс русификации теперь уже балачки резко ускорился. И необходимы усилия учёных, краеведов, писателей, местных властей для сохранения диалекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барка В. Кубанский холокост // Родная Кубань. 2002. - №3. С. 64.
2. Бондарь Н.И. Кубанское казачество (этносоциальный аспект) // Бондарь Н.И. Традиционная культура кубанского казачества. Краснодар, 1999. С. 128-143.
3. Бондарь Н.И. Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиции в условиях Кубани // Кубань – Украина: историко-культурные связи. Краснодар, 2008. С. 128-143.
4. Борисова О.Г., Васильев И.Ю. Приговор сбора станицы Старонижестеблиевской за номером 7 от 10 августа 1918 года: историко-лингвистический комментарий // Научно-творческое наследие Фёдра Андреевича Щербины и современность. Сборник материалов IX научно-практической конференции. 2011. С. 188-195.
5. Галутво Л.М. Реалии жизни и мифы биографии // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность. Краснодар, 1999. С. 122–129.
6. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 470. Оп. 2. Д. 1450а.
7. Короленко П.П. Переселение казаков за Кубань в 1861 году с приложением документов и записки полковника Шарапа // Кубанский сборник. Ектеринодар, 1911. Т. 16. С. 321 – 322.
8. Криводед В.В. История села Львовского на Кубани. Краснодар, 2002. С. 46, 63.
9. Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция (далее – КФЭЭ) – 1997. А/к. – 1244. Краснодарский край, Курганинский р-н, Ст. Темиргоевская, инф. – Кролёв П.Е., 1904 г.р., иссл. – Матвеев О.В. Мартынюк Л.С.

10. КФЭЭ– 2008. А/к – 3948. Краснодарский край, Горячеключевской р-н, ст. Суздальская, инф. – Петенко И.Г., Зукемян А.Н. 1932 г.р., иссл. – Матвеев О.В.

11. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М. 1967. С. 40.

12. Миллер С. Национализм и империя. М., 2005. С. 34, 36.

13. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А. Милютина. 1860 – 1862. М, 1999. С. 127.

14. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1896 год. Екатеринодар, 1897. С. 41.

15. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1896 год. Екатеринодар, 1897. С. 41.

16. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1898 год. Екатеринодар, 1899. С. 48.

17. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1903 год. Екатеринодар, 1904. С. 72.

18. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1905 год. Екатеринодар, 1906. С. 55.

19. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1909 год. Екатеринодар, 1910. С. 72-75.

20. Очерки истории Кубани с древнейших времён до 1920 года. Краснодар, 1996. - 402 с.

21. Попка И.Д. Черноморские казаки. Краснодар, 1998. – 76 с.

22. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее - ЦДНИКК). Ф. 8. Оп 1. Д. 410.

23. Чумаченко В.К. Неизданный поэтический сборник И. Чередниченко «Пісня з-над Кубані» // Четвёртые кубанские литературно-исторические чтения. Краснодар, 2003. – 85 с.

24. Шульгин В.В. «Москали» // Родная Кубань. 2003. №1. - С. 26.

25. Эрастов С.И. Записки старого екатеринодарца // Родная Кубань. 1998. №2. - С. 124, 20.

26. Яценко В.Б. Російська імперська інтеграційна політика і слобідське козацтво в XVIII столетті: етапы та перебіг // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2004. - С. 121.

REFERENCES

1. Barka V. Kubanskiy kholokost // Rodnaya Kuban. 2002. - №3. S. 64.
2. Bondar N.I. Kubanskoe kazachestvo (etnosotsialnyy aspekt) //Bondar N.I. Traditsionnaya kultura kubanskogo kazachestva. Krasnodar, 1999. S. 128- 143.
3. Bondar N.I. Nekotorye formy vzaimodeystviya russkoy i ukrainskoy traditsii v usloviyakh Kubani // Kuban – Ukraina: istoriko-kulturnye svyazi. Krasnodar, 2008. S. 128-143.
4. Borisova O.G., Vasilev I.Yu. Prigovor sbora stanitsy Staronizhesteblievskoy za nomerom 7 ot 10 avgusta 1918 goda: istoriko-lingvisticheskiy kommentariy // Nauchno-tvorcheskoe nasledie Fedra Andreevicha Shcherbiny i sovremennost. Sbornik materialov IX nauchno-prakticheskoy konferentsii.2011. S. 188-195.
5. Galutvo L.M. Realii zhizni i mify biografii // Tvorcheskoe nasledie F.A. Shcherbiny i sovremennost. Krasnodar, 1999. S. 122–129.
6. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya (dalee – GAKK). F. 470. Op. 2. D. 1450a.
7. Korolenko P.P. Pereselenie kazakov za Kuban v 1861 godu s prilozheniem dokumentov i zapiski polkovnika Sharapa // Kubanskiy sbornik. Ekterinodar, 1911. T. 16. S. 321 – 322.
8. Krivoded V.V. Istoriya sela Lvovskogo na Kubani. Krasnodar, 2002. S. 46, 63.
9. Kubanskaya folklorno-etnograficheskaya ekspeditsiya (dalee – KFEE) – 1997. A/k. – 1244. Krasnodarskiy kray, Kurganinskiy r-n, St. Temirgoevskaya, inf. – Krolev P.E., 1904 g.r., issl. – Matveev O.V. Martynyuk L.S.
10. KFEE– 2008. A/k – 3948. Krasnodarskiy kray, Goryacheklyuchevskoy r-n, st. Suzdalskaya, inf. – Petenko I.G., Zukemyan A.N. 1932 g.r., issl. – Matveev O.V.
11. Kubanskiy sbornik. Etnicheskie i kulturno-bytovye protsessy na Kubani. M. 1967. S. 40.
12. Miller S. Natsionalizm i imperiya. M., 2005. S. 34, 36.
13. Milyutin D.A. Vospominaniya general-feldmarshala grafa D.A. Milyutina. 1860 – 1862. M, 1999. S. 127.

14. Otchet nachalnika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazachego voyska o sostoyanii oblasti i voyska za 1896 god. Ekaterinodar, 1897. S. 41.
15. Otchet nachalnika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazachego voyska o sostoyanii oblasti i voyska za 1896 god. Ekaterinodar, 1897. S. 41.
16. Otchet nachalnika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazachego voyska o sostoyanii oblasti i voyska za 1898 god. Ekaterinodar, 1899. S. 48.
17. Otchet nachalnika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazachego voyska o sostoyanii oblasti i voyska za 1903 god. Ekaterinodar, 1904. S. 72.
18. Otchet nachalnika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazachego voyska o sostoyanii oblasti i voyska za 1905 god. Ekaterinodar, 1906. S. 55.
19. Otchet nachalnika Kubanskoj oblasti i nakaznogo atamana Kubanskogo kazachego voyska o sostoyanii oblasti i voyska za 1909 god. Ekaterinodar, 1910. S. 72-75.
20. Ocherki istorii Kubani s drevneyshikh vremen do 1920 goda. Krasnodar, 1996. - 402 s.
21. Popka I.D. Chernomorskie kazaki. Krasnodar, 1998. – 76 s.
22. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraja (dalee - TsDNIKK). F. 8. Op 1. D. 410.
23. Chumachenko V.K. Neizdannyy poeticheskiy sbornik I. Cherednichenko «Pisnya z-nad Kubani» // Chetvertye kubanskije literaturno-istoricheskie chteniya. Krasnodar, 2003. – 85 s.
24. Shulgin V.V. «Moskali» // Rodnaya Kuban. 2003. №1. - S. 26.
25. Erastov S.I. Zapiski starogo ekaterinodartsa // Rodnaya Kuban. 1998. №2. - S. 124, 20.
26. Яценко В.Б. Російська імперська інтеграційна політика і слобідське козацтво в XVIII столетті: етапы та перебіг // Проблеми истории и археологии Украины. Харьков, 2004. - С. 121.

*HISTORICAL CONDITIONS OF FORMATION OF KUBAN DIALECT
“BALACHKA”*

I.YU. VASILEV

*Scientific-investigated center of traditional culture “Kuban Cossack Chorus”,
37, Zaporozskaya st., Cossack village Severskaya, Krasnodar region, Russian Federation, 353240;
e-mail: ivasee@mail.ru*

The formation of Kuban dialect of the Russian language “balachki” is shown in this article.
The ethnic, historical and social reasons of dialect formation on the base of the Ukrainian and

Russian pronunciation are explained. The causes influencing the development and transformation of this dialect are also mentioned.

Key words: dialect, balachka, pronunciation.